

Аркадий Макаров

Валёк

Повесть о моём друге

Аркадий Макаров
Валёк. Повесть о моём друге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614628

ISBN 9785448311673

Аннотация

Эта книга об удивительных приключениях моего школьного друга Валентина Тищенко на Дальнем Востоке и на Чукотке, где он бичевал после встречи с женщиной определённых занятий.

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	18
5	24
6	33
7	42
8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валёк

Повесть о моём друге

Аркадий Макаров

*На горе, на горушке,
Под берёзой белую
Тихо клонит голову
Православный крест.
Старая песня*

© Аркадий Макаров, 2016

ISBN 978-5-4483-1167-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

С возрастом человек, начинает ощущать скоростную сущность времени драматичного по сути своей: одинокий транзитный пассажир мечется по перрону, глядя с тоской вслед уходящему в пункт «А» поезду, на который ему, пассажиру не досталось билета, а следующего поезда туда, в то заветное место уже не будет никогда. И пассажир этот в безоглядном порыве вскакивает на подножку другого поезда, но тот поезд другой, случайный. И пассажир оказывается уже в пункте

«Б». Вывалившись на перрон, растеряно оглядывается, соображая: куда же это он попал?

Говорится, говорится в Писании – каждому свой час и своё время.... Прозевал, и удача оставила тебя!

Мой школьный товарищ Валентин Тищенко, Валёк, как я его называл, друг детских игрищ и забав, прозевал свой поезд. Второпях вскочил на подножку случайного и сорвался под беспощадные катки-колёса на отполированные, отсвечивающие низким, северным небом, рельсы.

Так что метафора времени-поезда здесь не случайна. Воспоминания о давнем друге рисуют в моём воображении летящий в неизвестность поезд, и два чудака, два подростка-переростка сидящих на крыше вагона с раздутыми рваными парусами рубах, и сумашедшее веселье разрывает их орущие рты: – вперёд и дальше! И только вперёд! И только дальше!..

1

Убедив домашних выдуманной несуразной чепухой о школьных лагерях, мы с другом срываемся, как с головокругительного обрыва, в необъятные пространства стальных параллельных линий, которые, конечно, сходятся только в бесконечности.

Ощущения стремительного полёта и – убегающая, недосягаемая бесконечность горизонта, которую любопытный зрачок стремится защемить, но, прихватив его, никак не может удержать – восторг незабываем!

Тогда, наверное, и поселилась в моём друге, и стала сосать грудь лягушка-путешественница, которая и меня иногда чмокала мокрыми холодными губами.

Эта жаба захватывала когтистыми лапками сердце, и оно начинало стонать, беспокойно заманивая туда, в недостижимое и неясное за отодвигающимся горизонтом пространство, где шла такая красивая, такая непохожая на нашу жизнь.

Но всё, кроме стремительно убегающего горизонта, когда-нибудь да кончается.

Кончилось и наше детство а с ним и летящие пространства, озираемые с покатых и неустойчивых крыш громяющих на стыках вагонов. Надо было строить свою жизнь.

Нам так понравилось слово «строить», что мы, как-то вдруг, оба очутились в строительном тресте – я в бригаде

монтажников, а Валёк подался к бетонщикам, там платили «поболе», но надо было и вкалывать тоже «поболе».

У бетонщиков расценки шли по кубам, а у нас, монтажников, по тоннам. Попробуй, посчитай, сколько тонн ушло железа в сварных конструкциях, когда они уже смонтированы!

На монтаже, на воздухе работа сварщика не пыльная – сиди себе на верхотуре, как дятел, и лови электродом дугу вольтову, швы прошивай. Такая работа мне нравилась, и стала основной в моей хлопотливой жизни.

– Spина как ломит... Ага! – сказал однажды Валёк, стягивая с ноги антивибрационный ботинок на толстенной каучуковой подошве.

Такую обувь тогда выдавали бетонщикам от вибрационных сотрясений. Бахилы крепкие, тяжёлые, правда, но ходишь в них мягко, как по ковру персидскому.

Мой друг запустил этим ботинком в шевелящийся в углу комок газеты, со следами вчерашнего ужина – столовские пирожки с мясом, и отвалился на подушку, усиленно дымя сигаретой.

Мыши нас особенно не досаждали, пообвыклись. Всё что можно было съесть, мы съедали сами, оставляя им одни обёртки.

Ветер, прижатый дверным косяком к барачному полу, пытаясь вырваться через разбитое окно наружу, жалобно поскуливал, как щенок, которому нечаянно наступили на хвост.

Тоска собачья! Ни денег, ни вина! И до получки ещё дней десять...

– Работа и раб – однокоренные слова – философствовал Валёк, тыча недокуренную сигарету в плохо оштукатуренную известковым раствором стенку. Сигарета, сморщившись, гаснет, рассыпая на пол красноватые в вечерних сумерках искры.

Валёк кладёт окурок в консервную банку, – такой «бычок» или «охнарик» по-нашему, ещё сгодиться.

Курить он начал по-настоящему лет в девять-десять, когда одно время жил у бабушки, которая подторговывала махоркой, невероятно злющей, совсем, как наш участковый милиционер.

Валёк, при всей своей расточительности, к сигаретам относился бережливо. И без курева страдал невероятно, стреляя направо и налево «табачок-крепочёк».

– Учиться давай! Диплом получим, а то здесь, кроме ордена Сутулова ничего не заслужишь – констатировал мой друг, отворачиваясь к стенке. – Свет вырубай! Спать надо!

В школе Валёк отличался крайней степенью дерзости, но учился хорошо. Троек не имел, а к пятёрке относился пренебрежительно, да ему их и не ставили. При любом отличном ответе больше четырёх баллов он никогда не получал.

И вот теперь в нём снова заговорила после угробистой смены запоздалая тяга к знаниям.

В то время у нас в городе был только один институт, и тот

педагогический. А какие из нас с другом педагоги? Самих бы кто воспитал...

– Давай учиться, – говорю я без энтузиазма.

2

Перспектива быть учителем, занудливым, старым и очкастым, меня мало устраивала.

В моём понятии – учитель, это не мужик вовсе, а так, существо среднего рода. Он не то чтобы стакан водки залпом выпить или соплю вышибить, а и поматериться как следует, не смекнёт.

– Учиться давай! – говорит мой друг в рябую от окурков, стену.

– Давай учиться, – сквозь дрёму вяло отвечаю я.

До начала приёмных экзаменов оставался один день. Ни о какой подготовки и речи быть не могло.

Валёк – человек разговорчивый, язык, – как горох перекачивает, уговорил молоденькую секретаршу приёмной комиссии взять у нас документы.

– На филологический факультет ещё можно, – тягучим сладким голосом сказала она, с сомнением поглядывая в нашу сторону: уж очень вид у нас был не студенческий.

– Ага! – сказал мой товарищ, и мне оставалось только кивнуть головой.

Тогда вузовские конкурсы были ошеломляющие. Даже на учительский филфак – четыре-пять человек на место. Это ж надо!

Но моего друга это не удручало.

Валёк надеялся на свои силы, а мне оставалось, надеяться только на удачу. Пройду – значит, поступлю, нет – так нет, тоже беда не велика.

Моя работа меня не утомляла. Страховочный монтажный пояс носил, как красный командир португеею. Гордился своим мужским делом. Да и получки обмывал с бригадой тоже по-мужски, весело.

По приезду домой родители, правда, всегда спрашивали: когда учиться, будешь?

Вот, думаю, теперь сдам экзамены и обрадую своих. Пусть соседям расскажут, что сынок их не такой уж и пропащий. В учителя подался! Гордиться будут!

Мы с Вальком экзамены смахнули легко. Как пот со лба.

Переждали денёк-другой и пошли смотреть список поступающих – кто успешно прошёл отборочный конкурс. По алфавиту наши фамилии должны стоять почти рядом; моя – на «М», а его – на «Т».

К своему удивлению рядом с другом я себя не обнаружил. Не обнаружил и в приказе о зачислении в институт. Одна лишняя четвёрка сыграла для меня роль вышибалы.

На другой день Валёк распрощался с нашей барачной комнатой. Как бывшему рабочему человеку, место в студенческом общежитии ему было обеспечено.

Антивибрационные ботинки достались мне. Хорошая обувь, век не износишь. Не изотрёшь. Не скользят – вот что удивительно! По гололёду, как по песочку ходишь.

Для нас обоих теперь началась другая жизнь – у моего друга студенческая, а у меня – рабочая.

Я успешно сдал экзамены на четвёртый разряд электросварщика, и теперь получил полное «командировочное» право.

Дело в том, что монтажников ниже четвёртого разряда в командировки не посылали – сиди на базе, «на подхвате», как у нас говорили. А командировочная жизнь вольная, да и денежек можно заработать прилично. Страна большая, интересная. Это не то, что с крыши вагона поглядывать на убегающие пространства...

Большая страна, и везде что-нибудь возводят, строят; – то Липецкую Магнитку, то Сумгаит в Азербайджане, то завод Ильича с его домнами на Украине. Разброс по территориям в любую сторону – на тысячи километров. Прораб, как отец родной. Условия полевые, и отношение к быту, к дисциплине такое же. Все друзья. Все братья.

Приноровился я к работе, притёрся к бригаде, пришёлся впору, как по Сеньки шапка.

Хорошо! Проснись и пой, как говорится...

Жизнь молодая. Под кожей сок бродит, играет. Без вина ходишь, как во хмелю лёгком, крылатом.

При каждом возвращении из командировок веду своего друга в ресторан.

Валёк за полным стаканом водки, а тогда из меньшей посуды не пили, удручённо головой крутит – у меня денежки,

а у него «степуха» жидкая. Как вино сухое да водой разбавленное. Кислятина!

– Давай завербуемся, – говорит при очередной встрече Валёк, – по Северам походим. Морских котиков дубинками будем бить, или на рыболовецких сейнерах рыбку половим. А?

– Э, нет! – отвечаю я. – По мне лучше северный берег Чёрного моря, чем южный берег Ледовитого океана. Зябкий я.

– А-а... – с тоской тянет Валёк. – Друзей предаёшь.

– А, как же Зинаида? – говорю я. – У тебя вроде как баба своя есть, собственная...

– Ну, ты и нудный! – пускает сквозь зубы длинную струю Валёк. У него привычка: как что не по нём, – так пренебрежительно цвиркать слюной собеседнику под ноги. – Что Зинка? Она ещё как следует, не разделалась. Я ей сургучную печать поставлю – и всё! Пусть поприжмётся годик, а там и я – вот он! С деньгами на кооперативную квартиру. Махнём вместе, а?..

3

Валёк, человек решительный, совсем как в той поговорке: «Уж если я что и решил, то выпью обязательно!»

Женился он на скорую руку, сразу же, как перебрался жить в студенческое общежитие. Уж очень ему понравилась однокурсница.

Посидел вместе с ней за партой, за учебным столом в аудитории десятков дней – и сыграл в «дамки»!

Приходит ко мне на работу, свистит в два пальца:

– Слезай, дятел!

Я в это время сидел на самой верхотуре загрузочной эстакады. К смотровой площадке парапет приваривал.

Электроды подмокшие, дугу не держат, вот я и стучу ими о стальной лист. Действительно, как дятел.

Снимаю защитную маску, кричу вниз:

– Давай, говори, что надо?

– Так я тебе на всю стройплощадку орать буду? Слезай, тогда скажу!

Матерясь про себя, спускаюсь вниз. Лестница заваливается на тебя: вот-вот опрокинется, и ты полетишь вниз вверх тормашками – такое ощущение на высоте всегда монтажников преследует. Земля, словно Ванька-встанька шатучая. Никак не привыкнешь. Под ноги не смотрю, ступни на скобы ставлю на ощупь. Боязно пока ещё!

– Ну, чего тебе! Говори скорей! А то бригадир шею намылит. Некогда мне! – подхожу к другу.

– Нет, давай сначала покурим... – тянется ко мне Валёк. – Сигарету дай!

Закуриваем.

Дружок пускает дым, глубокомысленно подняв глаза туда, где я только что сидел. Помалкивает.

– Ну, чего ты, как рыба об лёд? Рассказывай, за чем пришёл!

– Рассказа не будет – сказка одна...

– Да пошёл со своей сказкой! Я тебе сам порасскажу – чем дальше, тем страшнее. У нас ввод объекта, премия срывается, а ты всё с шутками!

– Нет, – говорит Валёк, – у меня теперь такая шутка, что под подолом девки носят, как увидишь, так за живот схватишься. Усёк? Женюсь я – похваляется друг. Зинаиду замуж беру. С которой ты меня вчера на улице видел. Конопатая, правда. Но это говорят, к зиме пройдёт...

Вчера, действительно, я видел своего друга. Встречались в городе. Но с кем он был – я не запомнил. Он вчера, вроде, один разгуливал. Но вида не подаю. Киваю головой, ещё не совсем понимая, о чём говорит друг:

– Хорошая деваха! Что ты? Вроде и конапушек нет.

– Завтра бери отгул за прогул. Свидетелем у меня будешь. Расписываемся мы с Зинаидой.

Вот теперь – дошло. На меня, как железный настил с кры-

ши съехал. Голову защемило.

– Ты что, сдурел? А как же вольная жизнь конкистадора, бледнолицый брат мой?

Валёк дурашливо хмыкнул:

– Девушку обманывать нельзя, Боженька накажет, – смиренным послушником церкви закликушествовал Валёк.

Такое он делать умел. Мастер был! Когда-то мы с ним его лицедейством питались, путешествуя на крышах по стране родной. Он мог таким сиротским инвалидом прикинуться, что женщины над ним даже плакали, развязывая заветные узелки с припасами, а то и с деньгами...

– Ну, говори толком! Правда?

– Правда – только в газете «Правда». На завтра к девяти ноль-ноль чтоб, как штык стоял возле института! Давай – по рукам! Я побежал! Мне тоже некогда – маленькая, но семья! – и Валёк выщелкнув горящий окурок в сторону баллона с кислородом, потопал к автобусной остановке высокий и непобедимый.

На завтра, сославшись на боли в животе, я не без труда отпросился у бригадира:

– Спазмы, – говорю я, затягивая покрепче ремень на брюках.

– Дать бы тебе по сопатке, чтобы план не срывал, вот тогда у тебя на морде настоящая спазма образуется! – сказал бригадир. Иди! Выпей стакан водки с солью, сразу кишку запрёт. Салом закусывать надо, а не рукавом брезентовым.

Иди! После отработаешь!

Повеселев, я отправился к другу в институт.

Ровно в девять часов стою у подъезда. Заглядываю в парадный вход. В фойе снуют очкарики всякие, а моего друга нет. Внутри не вхожу – чего я там не видел! Школа, она и есть школа.

Это я тогда так думал...

Курю. Переминаюсь с ноги на ногу. «Может, как всегда, пошутил Валёк?» – думаю про себя.

Нет, Валёк не обманул. Выходит важный такой, и с ним рядом остроглазая, улыбчивая подруга.

– Знакомься! – кивает на меня вновь испеченный жених. – Мой лучший друг!

Подруга протягивает утлой лодочкой ладонь:

– Зинаида...

Я, замешкавшись и спотыкаясь языком, назвал себя.

– Пошли в ЗАГС! – отчаянно мотнул головой Валёк. – У меня там всё схвачено!

– Так цветы какие-нибудь, наверное, нужны, – попытался я оттянуть время; может мой друг ещё одумается.

– Айда! – сказал Валёк, увлекая за собой свою подругу.

Я поплёлся сзади. Пропал друг!

4

Это теперь: дворцы бракосочетаний, очереди машин с яркими воздушными шарами, видеокамеры, хлопки шампанского, невесты, как цветы заморские, бабочки легкокрылые. А тогда всё обстояло буднично и серьёзно. ЗАГС – есть ЗАГС! Туда не только бракосочетаться ходят...

Постучались в обитую дерматином дверь. Вошли.

– А свидетель со стороны невесты где? – спросили там.

– Она потом придёт, – говорит Валёк, – у неё зачёты.

– Ну, тогда и придёте, когда зачёты сдадите. Не мешайте работать, молодые люди! – строго сказала женщина, одёрнув синего сукна жакет, и указала нам на дверь.

– Не серьёзно как – то, – говорю я другу, – свидетели тоже нужны. Не корову покупаешь...

Зинаида укоризненно посмотрела на меня. Последняя фраза ей явно не понравилась.

– А я думал – так пройдёт... – почесав голову, сконфузился друг.

– Зинаида, сгоняй в институт! Приведи подругу. Любую, – кто пойдёт с тобой.

Зинаида, любовно взглянув на своего суженого, вмиг исчезла за поворотом.

– У тебя деньги есть? – спрашивает Валёк.

– Да есть немного до получки.

– Пойдём в рыгаловку, остограммимся, пока Зинаиды нет, а то ещё обидится не во время!

Забегаловка, рыгаловка эта, прямо напротив. Долго ли думать?

Зашли. Выпили водки, тёплой, отдающей бензином. Пожевали какого-то дерьма, что подешевле.

Валёк поднялся со стула, хлопнув себя по острым коленям:

– Ну, всё! Я готов! Жалко мне Зинаиду. Сирота она из детдома. Бедная. Подруги над ней подсмеиваются. Дочерью трудового народа называют, суки!.. А вот и наши идут! – показал в пыльное окно друг. – Пойдём, догоним, а то неудобно как-то...

С Зинаидой в мини-юбке шло прелестное создание на каблучках-шпильках. Постукивая по асфальту. Ножки! Ах, что за ножки! Познакомились.

– Алла!

На губах помада истомой сочится. На пальчиках перламутр – маникюр с педикюром.

Потом, попозже, я с этой Аллой не раз шёл на подвиги. Вернее, она меня подвигала на них, а я не сопротивлялся. Правда, в семейное русло наши бурные чувства не перетекли. Мы и так купались до одури, и плавали вольным стилем, но больше по мелководью, пока не надоели друг другу. Но это будет потом. А пока я пытаюсь положить руку Алевтине на талию, но ладонь моя сползала всё ниже и ниже ни-

же, за что я получал от Зинаиды укоризненные взгляды.

Алевтина на мои шалости никак не реагирует, или делает вид, что это её никак не смущает.

Теперь в Загсе всё прошло чин-по-чину: короткое казённое напутствие, росписи, тугие шлепки печатей в паспортах, – и мой друг уже женатый человек. Мужчина.

В тайне я, конечно, завидовал товарищу: вот он уже нашёл свою женщину, ну, девушку, а мне одни какие-то профуры попадаются, или такие, которые в жёны, по моим тогдашним понятиям, никак не годятся. Скушные какие-то, поговорить не о чём. Вялые, как рыбы на песке. Целый месяц встречаться будешь, пока целоваться разрешат. А губы всё узелком да узелком! Серость. Будни, одним словом! А у Валька праздники теперь каждый день. Везёт же людям!

После Загса мы вчетвером отметились в студенческой столовой, предусмотрительно прихватив большую бутылку портвейна – сошла за компот.

Алла, поморщившись на такое угощение, всё же свой стакан, немного поразмыслив, выцедила.

Похлебали борща, пожевали по котлете и разошлись.

После обеда я, по обещанию бригадиру, должен «как штык», быть на рабочем месте. Пошёл, но на полпути вернулся к себе в общежитие, расстроенный до невозможности.

Ничего, без меня страна обойдётся!

Проснулся я поздним вечером, осенённый лучшими чувствами к молодожёнам: «Пойду, давай! – сказал я сам себе.–

Поздравлю...»

Вспомнил, что без цветов идти нельзя.

По дороге в скверике, где цвели сплошным ковром пионы, оглядываясь по сторонам, воровато накопил большим садовым ножом, который для острастки всегда носил с собой, целый ворох прохладных, бутонистых, как розы, цветов, и, нырнув в кустарник, выскочил подальше от сквера, чтобы моё наглое воровство никто не заподозрил.

Себя успокаивал тем, что скверик ничей, да и осень уже. Всё равно эти цветы-цветики скоро завянут, а тут такой подарок молодым!

В студенческом общежитии вахтёрша, уважительно посмотрев на мой объёмистый букет, назвала комнату, в которой теперь на полном основании поселились молодожёны. Им заботливый профком выделил отдельную комнату – живите и размножайтесь! Только учитесь нормально. На периферии семейные учителя, ох, как нужны!

Толкнул дверь – не заперта.

На узкой железной кровати, из-за тесноты, наверное, лежала, как под прессом, два – в одном с советом и любовью, скороспелая брачная пара.

Охापку цветов я вывалил им прямо на одеяло, извиняясь за неожиданное появление.

Валёк, отпрянув от своей возлюбленной, спокойно потянулся за куравом, а Зинаида, растерявшись, даже не успела прикрыть ослепительные в своей наготе маленькие, цвета

спелых яблок, девичьи крепкие грудки.

И меня чуть с ног не сшибли её острые соски. Так выглядят еле раскрывшиеся бутончики пионов в момент первоцветья.

– С вином надо в гости ходить – назидательно изрёк мой друг. – А закуска, она – вот она! – он показал на стол, где по красной мякоти чернел крупными зёрнами располовиненный арбуз.

Я, было, повернул к двери – может, где и достану бутылку? Дежурный магазин на вокзале ещё не закрылся.

– Ку-да?! – остановил меня Валёк. – Плохо о друзьях думаешь – вальяжно потянувшись, он вытащил из-под подушки тяжёлый «огнетушитель» вермута местного разлива. – Раз пришёл, значит, пить будем. А-то моя супруга, – он показал глазами на белый кокон одеяла, из которого лукаво посмеивалась смазливая головка его молодой жены, – она ни в какую вина не хочет. Нельзя – говорит. А с тобой мы друзья. Хочешь, Алку позову? Алевтина! – крикнул он, ударяя кулаком в лёгкую переборку соседней комнаты. – Иди сюда! У нас – гости!

– Ой! – вошла, поправляя причёску. Алевтина – И вы тут? – почему – то на «вы» обратилась она ко мне. – Я, девушка честная, но выпить за компанию могу, – нарочито жеманничая, присела она к столу.

Вермут, несмотря на свой отвратительный вкус, положительно отразился на наших взаимоотношениях и с Алевти-

ной.

Спал я в её комнате, под дружное сопение соседок.

Легли мы поздно, и соседи с явным откровением похрапывали между паузами. Ихнее непротивление моему появлению нам с Аллой было, как говорится, в руку. За что девочкам низкий поклон и запоздалое «спасибо» от меня теперешнего. Науку я тогда прошёл хорошую... О чём под старость никогда не пожалеешь.

Вынужденная «болезнь» живота лишила меня полностью премиальных, да ещё пришлось писать объяснительную начальнику участка.

Дело в том, что моему другу пришло в голову на второй день после женитьбы устроить обязательное свадебное путешествие в деревню к своей бабушке, где он последние два года проживал, когда был исключён из школы за недостойное поведение: устроил драку с учителем физкультуры, который, страхуя прыжки через «коня» откровенно лапал девочек.

Правда, потом ему не повезло и в нашей школе.

Валёк к родителям со своей женой не поехал: «Нудные они! Мой героический порыв не поймут. Ну, их!»

Мне, как самому близкому его товарищу, пришлось разделить с ним это путешествие.

«А! Не в деньгах счастье! – махнул я рукой, соглашаясь с другом на поездку, и не прогадал.

Хотя «путешествием», двухчасовую тряску по просёлочным дорогам на попутках, назвать трудно, но со мной рядом, то и дело ойкая и хватаясь за меня, ехала и Алевтина. Так что и у меня намечалось тоже, что-то вроде «медовой недели».

Если сказать, что баба Дуся встретила своего внука радушно, это значит, ничего не сказать.

Изба у бабы Дуси справная, крепкая – рубленая по ста-

ринке в «замок».

На подходе к избе Валёк заспешил, заторопился, явно нервничая;

– Ну, чего тянитесь, как сонные?! Пошли быстрее!

Идти быстро никак не удавалось, – затёкшие ноги от длительного пребывания на корточках в громыхающем кузове, слушались плохо.

– Пошли! – хорохорился Валёк. – Во, ё-моё! – подходя к двери бабкиной избы, оторопел мой друг. Большой, навесной амбарный замок молчаливо говорил, что нас здесь не ждали. – Ничего, ничего, мы с огородов зайдём!..

Но и «с огородов» задняя дверь оказалась тоже на задвижке.

Теперь Валёк неразборчиво матерясь, нырнул в сарайчик и вытащил оттуда небольшую загаженную куриным помётом лестницу.

Она, эта сбитая кое-как лестница, вероятно, служила одновременно и насестом для бабкиных хохлушек, которые тут же с гомоном и криком посыпались из дверей сарайчика.

– Помоги подержать! – решительно сказал Валёк, толкнув меня лестницей в бок. – Мы – щас! – крикнул он в сторону девчонок, которые, невозмутимо переговариваясь, направились в ближайшие кусты за домом.

Лестница хоть и невысокая, но до маленького окошка над дверью мой друг легко дотянулся. Пару раз, ковырнув перочинным ножом в раме, он выставил стекло и осторожно пе-

редал мне.

Минута – и скользнув ящерицей, Валёк оказался по ту сторону двери. Сытно чавкнула задвижка и надворешная дверь, постанывая, как после долгой спячки, распахнулась.

– Прошу к моему шалашу! – Валёк счастливо улыбался.

Пока он открывал дверь, девочки, весело похихикивая, были уже рядом, – долго ли присесть на корточки да встать, поправив юбочку...

Но тут, из-за тяжело вздохнувшей избяной двери, на шум в сенцах показалось встревоженное, подслеповатое женское лицо.

Баба Дуся, оказывается, была дома.

– Бабаня, я тебе в гости жену привёз! Угадай, какая?!

– Ах ты, враг такой! Бабку до смерти напужал! – баба Дуся, хватаясь за сердце, опустилась на край лавки, где стояло ведро с водой. – Какая ещё жена?

– А вот угадай!

Девочки, посмеиваясь, стояли рядом, держась за руки со всем по-детсадовски.

Баба Дуся, пригладив широкой мягкой ладонью волосы, внимательно рассматривала обоих.

– Никак вот эта! – указала она на Алевтину. – Видная, видная! Нечего сказать!

Зинаида, заливаясь краской, враз набухшими от слёз глазами посмотрела виновато на своего бесцеремонного муженька.

Тот, споткнувшись в слове, кинулся обнимать расстроенную девушку.

– Какая ты, бабаня, бестолковая! Алевтина моей Зинаиде в подмётки не годится! Не плачь, чего ты? – поцеловал он в переносицу свою подругу.

Теперь и Алевтина, всплеснув руками, кинулась ко мне на шею.

– Какой же ты гад, Валька! Я красивая, да? Красивая? Скажи! Ну, скажи! – капризно обратилась она ко мне.

– Вы обе – ягодки! Клубнички сладкие! – забыв про бабу Дусю, провёл я языком по её губам, отчего Алевтина, сразу выгнувшись, подалась вперёд.

– Ух, ты противный какой! – застучала она кулачками мне в грудь.

Баба Дуся, почувствовав свою промашку, ласково взяла Зину за руки.

– Пойдём, красавица! Пойдём в избу. Прости меня, дуру старую! Это я сослепу сразу не узнала сношеньку свою. Пойдём! А ты, дурень, говорил бы по-уму! А то всё загадки загадываешь – укоряла она своего внука. – Всё шуткуешь со старой. Я вот тебе, озорник! – погрозила она ему одутловатым веснушчатым кулаком.

В избе жаркий и душный воздух стоял, как пробка в бутылке. Пахло керосином, скисшимся тестом и свежей самогонкой.

Теперь было понятно, почему баба Дуся повесила на вход-

ную дверь замок и почему так напугалась.

– От участкового прячусь! Он, подлец, как узнает, что я самогонку гоню, так повадится ходить, пока всё не вылакает. Вот, как раз и ложка к обеду! – показала она на трёхлитровую банку, полную до краёв. Мы сегодня и свадебку справим!

На почерневшем от огня и времени керогазе стояла огромная кастрюля, прикрытая обливным блюдом с водой. Баба Дуся гнала самогонку по-чёрному. Способ простой и всякому доступный: в ёмкость с бардой, вставляется на таганке кастрюля поменьше и всё накрывается блюдом, в котором по мере нагрева меняется вода. Испарина на выгнутом днище блюда, собираясь в капли конденсата-самогона, скапливается в кастрюльку на таганке. По мере наполнения смогоном кастрюлька освобождается, и всё начинается сначала.

– Я – всё! Поддонки одни пошли – сказала баба Дуся, гася пламя в керогазе. – Управилась. Слава Богу! А ты чего стоишь – кинула она внуку. – Бери топор да курям головы руби. Парочки хватит?

– Хватит! Хватит! – приободрился Валёк, выбегая во двор. – Самых жирных достану!

Баба Дуся растворила дверь, выгоняя полотенцем нечистый дух из избы.

– Я вас, детки, пирожками прибалую – суетилась она. – С утра, как знала, печь протопила. Вот ведь сердце – вещун! Дай, думаю, самогонки сварю. Может внучок приедет. А он –

вот он! Хорошо-то как, Господи слава Тебе!

Самогонка – вещь не хитрая, но стоящая. Она любое дело поможет хорошо сделать.

В каждой деревенской избе по осени закусить «чем-нибудь» всегда найдётся. Нашлось и сейчас. Хоть и колхозы, но и своё личное хозяйство не в упадке. Для себя народ в лениности даже тогда не прохлаждался. И у бабы Дуси было чем встретить гостей...

Свадьба состоялась маленькая, но хорошая. А хорошего, – много не бывает. Мы, да пара бабкиных соседок. Кум Никита да колхозный бригадир Николай – бабы Дуси друг душевный, тоже в годах, но ничего ещё мужик. Громче всех «горько!» кричал и посуду об пол для прибытку бил. Потом под старую трёхрядку боевые песни пел. Не забыл ещё дядя Коля славное героическое время, хотя без ноги пришёл. Откусила война ему молодому правую ногу под самое некуда, да потом подавилась в славный день Победы. Подавилась, но не выплюнула. Сплясал бы теперь старый боец Николай, да только ногой, сидя на стуле притоптывает.

– И..., эх! – кричал дядя Коля, растягивая волной русскую гармошку. – Ехали казаки на конях домой!..

Хорошая свадьба.

Мы с Алевтиной сидели – не знали, куда руки девать. Потом и для них нашлось место.

Под скатертью кто увидит?..

Отшумела, отголосила свадьба. Тычась в углы, стали рас-

ходить по домам. Одним нам с Алевтиной идти было некуда. Молодых дурашливый хмель повалил на бабкины перины, на широкую железную кровать в блестящих шишечках. А ещё, кроме кровати стоял в доме один сундук, на который и прилегла счастливая до невозможности баба Дуся., предварительно вытащив оттуда подушку и одеяло:

– Это вам! сказала она. – Молодые! Вам и на полу мягко.

– Идите на сеновал! – подал голос, утомлённый друг. – Вам в избе жарко, а на улице в самый раз будет. В Африке от трения огонь получают. Только на всякий случай полушубок с гвоздя прихватите. Пригодится – если что.

Забрав старенький вытертый кожушок, мы с Алевтиной, не сговариваясь, повалились на ещё не очерствшее сено под высоким тесовым навесом.

Обойдемся!

То ли от выпитого, то ли ещё по какой причине, но моя подруга Алевтина в эту ночь была податливой, как лыко. Хоть лапти плети!

Спать на сеновале хорошо, если лежать спокойно, а как повернешься, любая маломальская стерня – так и норовит ехидно уколоть тебя в голое место.

Но – ничего. Спим.

Среди ночи я проснулся от грубого толчка в бок.

– Не спится, бля! – Под звёздным небом в одних трусах стоял Валёк, зажав в руке бутылку. – Давай выпьем! Скушно там одному. Я с вами побуду.

– Ты что, сдурел? А как же Зинаида? Да и Алевтина здесь расстелилась,...

– Прогони её к Зинке! А мы с тобой помальчишествуем. Я и закуси принёс. Держи! – звякнул он посудой.

Алевтина без уговоров, с удовольствием улизнула в дом.

– Алкаши несчастные! – и затворила дверь.

Бутылка, да два стакана, да два пирожка с яблоками – что ещё нужно двум мужикам, оставленным без присмотра?..

Проснулся я от щекотки в носу. Солнце било прямо в самые ноздри. Рядом, закинув голову, святым праведником храпел мой друг.

– Во. Мы дали! – то ли с восхищением, то ли виновато с хрипотцой выдавил мой друг, когда я его растолкал.

Пока то да сё, пока зарубили ещё горлопана-кочета, пока баба Дуся протопила печь, – к вечеру всё началось снова.

– Нет, – сказал я другу, вы оставайтесь, а я поеду. Мне на работу надо.

– Работа – не член... правительства – с оглядкой на Зинаиду, сказал мой друг, хлопнув меня по плечу, – постоит!

Нагруженному вином мне тоже возвращаться в город не очень хотелось.

Вот ведь слово, какое – «вино»! Вино, вина, виноватый, обвиняемый – слова однокоренные. Смысл разный, а действие одно. Правду говорят: – « Не пей вина – не будет слёз!»

Так и пролетела журавлём в небе моя квартальная премия! А с ней и сытные обеды в рабочей столовке. Чего не сде-

лаешь ради друга и хорошей выпивки, если эта выпивка во время под руку попала.

Когда мы уезжали в город, у бабы Дуси кур больше не осталось.

– А-а! Всё равно зимой не несутся! Только зазря корм переводить. По весне еще разведу. Приезжайте! Подумаешь, добра-то! Я хуть внучка со сношенькой повидала – когда ещё встретимся?

Действительно – больше не встретились. Ни Зинаида, ни Валёк сюда уже не возвращались. Коротка, до обидного коротка человеческая жизнь, а ошибок успеваешь сделать уйму...

Прошло много лет.

Я и сам за это время натворил столько, что разгребать и разгребать. Да и разгребёшь ли?.. За спиной служба в Армии, долгая и трудная, вечерний инженерный институт, работа мастером на том же участке, где и сам начинал монтажничать, ну и женитьба, конечно...

В квартиру, правда кооперативную, въехал из постоянно гомонящего общежития, где мне с женой-студенткой начальством великодушно была предоставлена комната...

Там хорошо, но мне туда не надо!

Молодость прошла – чего ещё? Утихли порывы. А те, которые не утихают, жена успокаивает: скажет несколько слов, и ты уже на земле стоишь обеими ногами, как вкопанный. Шаг влево, шаг вправо – слёзы. Ничего нет более отрезвляющего, чем женские слёзы! Любое похмелье, как рукой снимает!

Жизнь...

У жены отпуск в летнее время, а у нас на стройках, как в поле, самая страдная пора – бьём-колотим, время торопим!

Выходной день. Сижу один. Жена к родителям уехала, от неё одни наставления остались: – «Смотри, чтоб порядок был! Не дурачься, опять куда-нибудь попадёшь!» «Всё, всё, всё! Слушаюсь и повинуюсь!»

Да наставления быстро забываются, а соблазны – вот они! Да и порывы, оставшиеся от молодости дают о себе знать. После вчерашнего праздника – сдача в эксплуатацию очередного объекта – как-то пусто и на душе и в квартире. Уж лучше бы жена была дома!

Звонок в дверь, как соскочившая с бойка пружина болезненно ударяет в затылок. Ну, кто там ещё?.. отрываю голову от подушки:

– Да подожди, подожди колотить! Сейчас открою!

Хотел натянуть джинсы, а потом передумал – а-а, кто-то из своих, можно не церемониться! Но всё же дверь открываю медленно – вдруг, не дай Бог, женщина!

В приоткрытую дверь нагло продёрнулась сучковатая с замысловатыми вензелями палка, в конец которой была впесована латунная гильза от охотничьего ружья – типичный стариковский «бадик».

– Одну минуту! – попридержал я дверь, собираясь надеть брюки, – нехорошо и неуважительно встречать пожилого человека в расхристанном виде. – Одну минуту!

Но настырный костыль просунулся ещё дальше, не давая возможности притворить дверь, пока я буду одеваться.

Ну, что за люди! Рассвирепев, я распахнул дверь, чтобы высказать хорошим русским языком, как нехорошо вламываться без разрешения в чужую квартиру.

В дверном проёме, как в раме, стоял, улыбаясь во весь свой золотой рот, Валёк! Правда, в улыбке сверкали толь-

ко вставные зубы, а глаза были сосредоточены и молчаливы. Таких глаз у моего давнишнего друга раньше никогда не было... А это был, конечно, он – Валёк, но совсем другой. Какая то цепкая настороженность и постоянная готовность – то ли к защите, то ли к нападению.

Одичавшие глаза. От них мне в первое мгновение стало несколько неудобно.

Неожиданная встреча и весь вид моего товарища по детским и не детским забавам привели меня в ступор.

Наверное, моё состояние и мой «видок», тоже озадачил нежданного гостя:

– Пьёшь, поди?

Ну, Валёк! Ну, старый друг! Нет, чтобы поздоровкаться, пообняться как следует, а он сразу наступает на пятки...

– С чего ты взял?

– Да видок у тебя фуфлыжный!

Разговор такой, – вроде мы вчера расстались.

Валёк вошёл, заметно припадая на правую ногу, и оглядываясь – куда бы пристроить свой бадик и тугую сумку из плотной чёрной материи.

– Жена-баба дома?

– Проходи, проходи! Я один.

Валёк, набычась, стянул с себя полосатый безрукавный тельник. Во всю мосластую грудь моего товарища синей растушёвкой красовался, распустив по плечам клешни, тихоокеанский краб в натуральную величину.

– Ну и жарыща у вас! – Валёк бросил скомканный тельник на стул – краб его в это время шевельнулся, и мне показалось – сейчас сползёт на пол, клацая клешнями, как пассажижами, и начнёт кромсать мебель.

– Ты, как тот Сильвестр, – с чёрной меткой и в наколках. Всё пиратствуешь, флибустьер морей и океанов. Проходи! Посидим, чайку попьём...

На словах – «чайку попьём», Валёк, поперхнувшись, расхохотался во весь свой зубастый золотой рот.

– Попьём! А как же! Только погорячей и без сахара, а то у меня и так в полрта зубов нет – Валёк дурашливо схватился за щеку.

– Ну, я это – образно говорю. Конечно, выпьем! У меня ещё тут кое-что осталось – полез я в буфет, но заповедной бутылки так и не обнаружил. Наверное, вчера со своей бригадой «Ух!» переусердствовал. – Ты посиди! Я мигом сгоняю! Гастроном рядом, правда, там теперь такая толкучка, придётся постоять в очереди – предупредил я своего друга.

– Я не халявщик! – Валёк здоровой ногой пододвинул ко мне большую дорожную сумку с бесконечными молниями.

Сумка брюхатилась, как свиноматка перед опоросом.

Мы прошли в кухню, где мой друг, памятуя наши отношения, по-хозяйски уселся на табурет, широко расставив ноги.

Одна нога, (из-за которой он ходил с костылём) как сухое надломленное полено, перегораживала мою кухню так, что мне пришлось это сухое полено перешагивать, чтобы по-

дойти к газовой плите.

Валёк скользнул бегунком молнии, и на столе появилась тёмного стекла бутылка совсем не нашего вида, а к бутылке скромно прислонилась пузатенькая банка с чёрной дробью икры, по всему виду, самодельного посола – банка ёмкая, но без опознавательных знаков.

Всё – честь по чести! А хлеб, масло, сыр, яйца мы и сами найдём!

Теперь моя тесноватая кухня приняла свой деловой, настоящий вид. Руки засустились, яичница заскворчала, бутерброды отсвечивали маслянистой свинцовой дробью, намекая на свою деликатесную справу.

– Ты пошто меня ни о чём не спрашиваешь? Не интересуешься?.. – недоумевает мой друг.

А я нарочно тяну волынку:

– А чего спрашивать на сухую! Вот сейчас водочка языки развяжет, ты и сам заговоришь.

Отвинчиваю у бутылке пробку. Разливаю по рюмкам – мать честная! В тёмной пахучей жидкости, у самого дна, ремённый шнуручек плавает. Что такое?

Валёк довольно улыбается, отвалившись на спинку стула, поглядывает хитро: – мол, вот как я тебя сделал!

Ну-ка, что за мерзость?

Рассматриваю бутылку. На бутылке иероглифы загадочные, а под иероглифами зелёная змейка примостилась... А-а, вспомнил! Читал где-то, что на востоке для усиления муж-

ской потенции, водку на ползучих гадов настаивают, на три-тонах разных...

– Ну что ж, – невозмутимо говорю другу, – попробовать можно, только вот у меня жена в отъезде.

– А мы с тобой чужих жён шерстить будем! Вот они все, в кармане! – и вытаскивает перехваченную резинкой объёмистую пачку денег. – Кого не купим – украдём!

– Ёшь твою корень! Вот это деньги! За такой кирпич зелёных мне полжизни без выходных горбатиться, пахать надо.

– А ты думаешь, я на северах не горбатился? И пахал, и сеял, и жал одновременно. Чукчанки всю мою силу взяли, мать-иху-так! Теперь вот этим делом – показывает на змейку – и лечусь.

– Да северянки вроде как ленивые на это дело.

– Э, не скажи! У чукчанок промеж ног всё то же, что и у Дуньки русской, только рыбой попахивает. Руку положишь – вроде тюленя поглаживаешь. – Валёк берёт рюмку и, не чокаясь, опрокидывает в себя. – Наливай ещё!

Выпиваю и я. Водка густая, терпкая, сладковатая только.

– Ты как к чукчам-то попал? Вербовался вроде на Камчатку, на крабовую путину, насколько я помню?

– А-а, ты вот о чём? – лениво потягивается Валёк. Ему явно не хочется вспоминать об этом. – Ты бы лучше о чукчах пораспрашивал. Они, народ забавный. Дети белого кита, или тюленя, как они говорят.

– О чукчах я анекдотов наслушался, ты лучше о вербовке

расскажи. Задержался ты, брат, там надолго. Понравилось, кажись? За столько лет – ни слуху, ни духу. Я за твоё здоровье по церквам свечи ставил...

– За моё здоровье да и за твоё тоже давай лучше выпьем – Валёк подставил рюмку.

Выпили. У меня в голове после вчерашнего порядок стал восстанавливаться.

Хорошо сидим!

– А чего рассказывать? – Валёк подцепил пальцами прямо из сковороды яичный ошмёток и бросил его в рот. Глотнул, почти не прожёвывая. – Чего рассказывать? Расскажу – ты всё равно не поверишь. Покидать бы тебе бочек на полста килограмм сельди по стеллажам – пупок развяжется. А я их на попу ставил в два яруса. А рядом бабы. Их на разделку рыбы в море брали. Голову и брюхо рыбине вспорют – и в бочки – грузись, сынок! Бывало, за смену нагрузишься, когда улов хороший, и – в каюту! Под тобой палуба ходуном ходит, вроде выпил чего. Ныряешь в койку, – и забаяюкался, как в качели детской. А бабы там, сучки эти, как звери. Нажрут морских огурцов, трепангов, ну знаешь, голотурий, которые все в колючках, как ерши для чистки бутылок, и начнут в каюты двери ломать. Мужиков им давай. А мужики с кадушками напестают, какие из них потом грёбари? Ну, конечно, хороводили их, человек пять на одну. Ничего, справлялись – хмыкнул, вспоминая, друг. – Полапатил я там одну путину, сошёл на берег. А на берегу – тоже бабы. Знают, му-

жику деньги ни к чему. Пристают, как у нас цыганки с гада-нием, на шею вешаются: «Возьми меня! Возьми!», и другая так же: «Меня возьми!», да у мужика только пальцев мно-го, а член один. Отобьешься кое- как, и – в кабак. А там – то же самое. Не угадаешь, где очнешься. В постели если, то хорошо, триппер вылечить можно. Но если в подворотне где-то – тогда всё! Кранты! Ни денег, ни документов. Ни дна, ни покрышки... – Валёк поиграл словами, упёрся взглядом в пустой угол кухни, помолчал, и, перехватив горло бутылки, не тратя времени на рюмку, отхлебнул прямо из горла.

Пока я делал ему бутерброд с икрой, крупной, зернистой, как чёрный жемчуг, Валёк вытер губы тыльной стороной ладони, закурил и брезгливо посмотрел на приготовленный мной деликатес:

– Убери с глаз! До смерти надоела эта погань. Пока с би-чами по теплотрассам скитался, только ей и питались, хле-ба нет, а рыбы с икрой сколько угодно по берегам навале-но. Браконьеры, они как медведи шатуны захоронки делают. А мы у них навроде санитаров. Соль, правда, всегда в де-фиците была. А так выберешь бельдюгу – кежуча там или кету перезрелую, главное, чтоб пузцо еще не лопалось. Ры-ба, она ведь, как кремлёвское правительство, с головы гниёт. А головы нам – к чему? Посмотришь, – если под жабрами цвет розовый, смело вспарывай брюхо и в посуду подходя-щую сдаивай. Плёнку потом снял, присыпал солью. И ми-нут через двадцать за ложку берись смело. Иногда, правда,

понос прошибёт. Самоочищение организма, все яды вымываются, только воды побольше пей. А через день опять бери ложку... Ну, ты чего? – посмотрел он на меня. – Пей, да закусывай!

Я с изумлением уставился на старого товарища. Предполагал всё, но чтобы Валёк, герой моего детства и юности в бомжи подался – это уже слишком. Характерный человек, крутой, такого сломить трудно. В детстве всяко было. Напрокудничает в школе, дружок, зная моего родителя, всю вину на себя брал. А в разное время вина была разная, и часто – не безобидная. Всякая вина...

Работал у нас киномехаником мужик один, дядя Саша, по прозвищу Богомол. Кличка эта к нему шла. Как потная рубаха к телу, прилипла – не отдерёшь.

Какой-то остроум однажды как назвал его Богомолем, так и пошло. Маленькая головка на длинной шее, долговязый, худой и весь он был в своём постоянном сером костюме, как сухая изломанная осиновая ветка. Богомол и богомол – ни дать, ни взять. Голос надтреснутый, скрипучий вгонит кого угодно в тоску. Одно преимущество у него было – кино крутить.

Кино, кроме понедельника, шло каждый день. А деньги давались родителями раз в месяц и то не всегда.

Софи Лорен вкупе с Лолобриджидой начинали сниться нам в мальчишеских снах, потому мы стремились правдами и неправдами попасть на любой сеанс, где бы хоть чуточку приоткрывались женские ноги.

Мы уже входили в свой законный возраст – от материнской груди отпали, а к другой ещё не прилепились. Но чего-то уже хотелось в пятнадцать младенческих лет, хотя тогда наш возраст младенческим ни как не казался.

С Богомолем нас связала одна страсть – картинки.

Выкрав, неведомо как попавшую в нашу районную библиотеку книгу, старинную книгу, «Мужчина и Женщина»,

мы с другом, сидя на берегу в упоении разглядывали соблазнительные женские детали и не заметили, что картинки эти, стоя за нашими согнутыми в напряжении спинами, разглядывает с ещё большей страстью и Богомол.

– Мужики, давай, дашь-на-дашь меняться – прерывисто задышал Богомол. Вы мне книгу, а я вас – на любой сеанс для взрослых.

Мы с другом переглянулись. Предложение соблазнительное. Книгу мы уже порядочно засалили глазами, залистали, но всё равно отдавать жалко. И в кино когда вздумается! – тоже заманчиво...

– Идёт – сказал мой друг, подавая ладонь Богомолу.

– Идёт! – повторил я.

И вот мы в уютной кинобудке Богомола. Смотрим, затаюсь, «Фан-Фан Тюльпан», разрешённый к просмотру только для взрослых.

Теперь нам никаких препон!

Киномеханик ленту крутит, а мы в окошко поглядываем, в кулаки похихикиваем.

Так вот и сдружились с Богомол: – за вином ему бегали, сами угощались, покуривали «Беломор». На десятку учились туза вытаскивать – картишками баловались.

В «очко» играли на сигареты, когда денег на вермут не было.

Жили – ничего себе. Иногда и друзей приводили.

Вроде маленького подросткового клуба кинобудка была.

На улице «чичер» – дождь или метель, а в будке на втором этаже районного дома культуры, рядом с библиотекой, уютно, тепло. Культурно так, что домой приходили к полночи, а то и за полночь. Родителям говорили, что кружок у нас «юных киномехаников». А особенно одарённых будут рекомендовать в институт кинематографии, в Москву.

Помню, мать меня жалела. Бывало, откроет дверь, а я на пороге согнулся, лицо отвернул, чтобы в сторону дышать. Спешу сапоги снять – и в постель побыстрее нырнуть. Мать озабочена:

– Что же ты, сынок, себе покоя не даёшь? На часах уже полпервого ночи, а тебе завтра с утра снова в школу. Бросил бы ты эти занятия! Гляди, шатает всего!

А ты затаишь дыхание и – шмыг на печку! Как в бездну провалишься.

Одноклассниц заманивали в свой кружок, но те понимающе хихикали, пугливо оглядывались по сторонам, и убегали.

Одна потом – то ли по глупости, то ли над нами захотела шефство взять после беседы с классной руководительницей, но прикипела к нашей компании.

Не раз мы, подшефные, обыгрывали свою приглядчицу в карты. Платить ей было нечем, поэтому она каждый раз расплачивалась тем, что, пробежав пухленькими пальчиками по пуговицам кофточка, показывала нам и давала потрогать маленькие розовые и твёрдые, как незрелая вишня, сосочки своих начинающих наливаясь грудей.

Может быть, она согласилась бы и ещё на что-нибудь, но мы не настаивали. Игра есть игра. Хотя способности к «другому» у нас уже явно проглядывались.

Соученицу нашу при посторонних для конспирации мы называли Машкой, хотя она носила другое имя и фамилию. Заковыристая была фамилия. Не деревенская. Ну, да ладно, Машка и Машка.

Родители у неё были приёмные. О том, что её взяли из детского дома, знали все, кроме неё самой. Может быть, и до неё доходило что-то, но она на это никак не реагировала.

Вот эта самая Маша, войдя к нам в товарищество, постепенно перенимала все наши забавы, и это ей, судя по всему, нравилось. Потихоньку приучалась курить, и от дешёвого вермута не отказывалась.

Не знаю, что она про нас говорила классной руководительнице, но мы с ней дружили душа в душу.

Однажды тёплым мартовским вечером, когда весна уже начиналась проглядывать сквозь хрупкую наледь на дорогах, Богомол, будучи в хорошем подпитии, сел с нами поиграть в карты. Сказал, что у него сегодня получка, и он запросто может нам проиграть, не только на сигареты, но и на «огнетушитель» настоящего вермута заграничного разлива, без красителей.

И, действительно, в несколько партий он проиграл довольно приличные деньги, на которые можно было купить и вина, и закуски, и сигарет.

Как самому быстрому на ноги, мне пришлось бежать за вином. Не часто выпадает такая удача!

Одна нога здесь, другая там.

И вот уже на дощатом столике в тесной кинобудке маковым цветом наполнились гранёные стаканы, и праздник стал расходиться по-настоящему.

Машка наша – на правах хозяйки. Только успевала строгать колбасу. Жили тогда трудно, и колбаса могла только присниться. А тут – на тебе! Вот она круглится на столе, отдавая чесночком и крепким мясным духом. Настоящая «краковская».

Пили мы хорошо, а закусывали ещё лучше.

Богомол, затеяв какую-то обиду, выставил нас с другом за дверь. Но мы и не упирались. Богомол стал для нас ближе отца родного.

Поутру уже, как ни в чем, не бывало, мы сидели в школе на уроке литературы, смело, поглядывая в почему-то тревожные глаза, нашей классной.

Машки в классе не оказалось, но мы к этому отнеслись без понимания, а зря.

Родители нашей приятельницы, встревоженные отсутствием приёмной дочери, ранним утром обратились в районную милицию.

Органы в те времена работали более чем исправно, и через полчаса обнаружили в незапертой кинобудке заигравшуюся школьницу.

Ещё не протрезвевшая, та никак не могла объяснить, в чём дело. Родители тут же повели её в гинекологию, где был документально отмечен факт дефлорации.

Тогда нарушение девственности у несовершеннолетней – случай в сельской местности был исключительный. Девочки ещё умели себя блюсти, опасались огласки и всяческих неприятностей, связанных с разрушением своего Карфагена.

Святая наивность, которая помогала строить семейные отношения по любви!

Дело закрутилось.

Прямо с урока нас с другом в сопровождении милиционера понудили прибыть в райотдел милиции.

Спрашивали о дяде Саше Богомоле, о нашей нестандартной дружбе с ним, на что мы отчаянно мотали головами. Отказывались. Говорили, что мы ходим в кино редко, так как родители карманных денег не дают. А если когда и дают, то мы на них покупаем всякие школьные принадлежности – резинки, перья, тетради... А к дяде Саше заходили только по интересам – мечтаем, после школы поступить в институт кинематографии на режиссёрское, или какое другое, отделение... Может, на операторов будем учиться.... Вот даже книги берём в библиотеке по фотоискусству.

Наверное, нам поверили, потому что тут же отпустили, сказав, что если вы увидите дядю Сашу, ничего ему не говорите, а сообщите нам, где он находится.

Мы тут же отправились к Богомолу на квартиру, которую

он снимал у одинокой старушки, бабы Вари.

При виде нас баба Варя стала кричать и размахивать руками:

– Кышь, отсюда! Кышь, оглоеды, бесенята проклятые! Нету Богомола! Его и милиция спрашивала. Уехал Богомол! Он, что, вам ровесник, какой? Чего избу огорнули? – потянулась за тяпкой, которая стояла возле двери.

Не испытывая терпение этой ведьмы, мы высыпали на улицу.

Домой идти не хотелось. Что там ждёт – было ясно, и мы подались на край села, где рогатясь чёрными от дождя и времени жердями, стояла рига крытая ошмётками полусгнившей соломы, заросшая чернобыльем и тощим кустарником.

Для молодого поколения слово «рига» с прописной буквы ни о чём не говорит. И надо объяснить, что это такое огромное сооружение, навроде большого длинного шалаша, где под крышей в плохую погоду молотили зерно и хранили его в буртах. Туда запросто въезжали грузовики под разгрузку, и мог свободно развернуться трактор с прицепом.

У нас в Бондарях колхоз приказал долго жить по экономическим причинам. На базе колхоза был образован совхоз с более производительным трудом и технологией. Ригу забросили, и она так и осталась догнивать грустной метафорой общественного строя.

Там, в укромных уголках местная ребятня находила себе приют, обучаясь самостоятельной жизни.

В сумеречную, дождливую пору там всегда было уютно и тихо, если не считать мышинной возни, которая нам совсем не мешала.

В риге можно было спокойно покурить взятяжку. Послушать байки более удачливых товарищей, которые охотно делились опытом, расписывая женские прелести, отчего сладко постанывало сердце в невыносимой тяге быстрее повзреть.

Почему старая рига не сгорела от наших замусоленных окурков, непонятно и загадочно. По всем статьям она давно должна запылать красным пламенем, а вот не сгорела. Наверное, мальчишеский Бог не позволял это сделать, а то, где бы пряталась от строгого взрослого глаза неугомная бондарская ребятня.

Там у нас с другом тоже было своё насиженное место, и немного повздыхав об утраченной девичьей чести своей подруги, мы не сговариваясь, отправились на край села. Додумывать – куда бы мог деться дядя Саша Богомол? После того вечера он как в омут спрыгнул, никто в Бондарях его не видел, кого бы мы ни спрашивали.

А между тем слух катился впереди нас, и при дороге встречные бабы смотрели недобрыми глазами и, жалея «несчастную сиротку», грозились посадить нас в тюрьму.

Что делать? Они по-своему правы. При таком раскладе, от возможности попасть в колонию, отмахиваться было нельзя. Всякое может случиться, когда мальчишеский Бог

глаза смежит...

В замшелой просторной полутьме бывшей колхозной обители из перетёртого вороха старой соломы, по-собачьи, с коротким взвизгом метнулась в дальний угол длинная тень похожая на силуэт Богомола и растворилась в мышинном писке.

– Он! – толкнул меня в бок Валёк. – От милиции прячется.

– Дядь Саша, это мы! Не пугайся! Зашли покурить сюда – крикнул я, неизвестно почему робея, перед этой всполошенной тенью. – Мы в милиции против тебя ничего не говорили!

Богомол, руками и ногами путаясь в соломе, так же по-собачьи предано подполз к нам.

То ли от холода, то ли от страха и от неотвратимости содеянного зубы его клацали так, что казалось, вот-вот будут высекать искры.

– Мальчики!.. Мальчики, спасите меня!.. Вы малолетки. Вам ничего не будет, а меня повяжут! Её Богу захомутают! За «красную шапочку» на зоне мне кранты! Опидорасят!

– Это что ж мы на себя наговаривать будем? Не, я не могу!.. – потянул мой друг, упав в копну трухлявой соломы.

Я тоже отрицательно замотал головой, вспомнив тяжёлый нрав своего родителя. За такие проделки, моё представление о наказании терялось за гранью рассудка.

– Да меня отец убьёт! – только я мог и вымолвить.

– Ребята, дорогие, мне же труба! – елозил у нас в ногах дядя Саша.

Вот теперь-то, стоя на четвереньках, он был точно похож

на богомола из учебника по зоологии. Узкая маленькая головка его на коричневой и тощей, как засохшая ветка, шея бестолково дёргалась, выражая крайнюю степень отчаянья.

– Курить есть? – миролюбиво спросил Валёк.

– Есть, есть! – обрадовался дядя Саша. – И выпить есть. Вот! – он подтянул к себе уёмистый вещевого мешок набитый всякой всячиной и, покопавшись, достал бутылку водки и с колесо от детского велосипеда круг до невозможности пахучей колбасы.

– Берите! У меня ещё есть! – погладил Богомол пузатую холщевину мешка.

Не удержались. Выпили вдвоём с Вальком.

Богомол от водки отказался. Сказав, что козе не до плясок, когда хозяин нож точит.

Вкус водки резкий и ещё не совсем привычный для нас, с первого раза отбил всякую охоту повторить, но мы,, не потеряв ощущение полноты жизни, навалились на колбасу, разрывая молодыми зубами пахучую мякоть.

Через минуту мы уже беспечно покуривали на соломе, глядя на сгорбленного, как будто переломанного в пояснице дядю Сашу.

Он сидел напротив, всё время сморкался, вытирал тыльной стороной ладони красные веки и униженно поглядывал на нас, с готовностью выполнить любое наше желание.

За растление малолетней, Богомолу грозил неоглядный и верный срок размером в десяток лет. Мы это уже доста-

точно понимали и по-своему жалели дядю Сашу, не доходя умом, что перед нами сидел настоящий маньяк и педофил, которому самое время отвечать по закону.

А в то время закон ещё был по настоящему неотвратим. Детский разум наивен и непоследователен.

– А что? – говорит Валёк. – Возьму всё на себя. Скажу, что она сама согласилась.

– Скажи, скажи! – закричал иступленно Богомол, – Я тебе денег дам. Вот, на велосипед собирал, бери! – он вытащил из кармана несколько бумажек и стал совать моему другу.

– Не, – сказал Валёк, – деньги – это зло. Ты нам лучше расписку напиши, что в любое время будешь исполнять все наши желания. – Идёт?

– Идёт, идёт! Об чём разговор? – несказанно обрадовался Богомол. Все двери для вас открыты! Возьми деньги!

– Подкуп карается по закону – строго посмотрел на дядю Сашу мой неподкупный друг, и, вытащив из кармана сложенную тетрадь, вырвал из неё лист бумаги – Пиши! – протянул его Богомолу.

Тот трясущимися руками что-то долго писал, сморкался, опять писал, и что-то там недописав, бросил:

– Да я вас на руках носить буду! При чём здесь бумага?

– Вещественное доказательство – вставил я.

От таких слов Богомол даже застонал весь и передёрнул плечами:

– Ну, скажешь тоже... Прямо – прокурор!

– Так уж и пошутить нельзя! – поднял я листок и разорвал его на мелкие клочья.

Решение было принято.

То ли милиция не стала докапываться до истины, чтобы не портить показатели района с правонарушением, то ли этим правоохранителям было всё «до лампочки», но в признание моего друга там поверили сразу. Особенно поверили на педсовете, по единогласному решению которого Валёк был вновь исключён из школы и уехал к бабушке получать среднее образование.

Нашего друга дядю Сашу вычислять не стали, и он остался при своих интересах: крутил кино и наслаждался живыми картинками из той замечательной книги, которую мы ему так опрометчиво подарили. Захаживать к нему в кинобудку теперь было некому – Валёк отправился в ссылку к «няне», а у меня после отцовской разборки появились другие интересы.

...Пока Валёк за столом увлечённо живописал мне морские пейзажи и корабельные нравы, та давняя школьная история снова ожила в моей памяти, но не разрешила до конца загадку характера моего друга. Сказать, что он это сделал из жалости к Богомолу нельзя, он его презирал так же, как и я. Сказать, что это было его бравадой?.. Как знать?

Говорят, вино развязывает языки – это верно. Но оно так завязывает беседу, что выпутаться из этой трясины можно только тогда, когда грохнешься чугунной головой о столешницу в полном забвении своего существования.

В тот день у нас с Вальком настоящего разговора не получилось: слишком быстро закончились все слова, остались лишь одни междометия...

Утром, вынырнув из ночного провала, на холодном крашенном эмалью льдистом полу с навязчивыми вопросами: «Где я?» и «Что я?» с удивлением обнаруживаю, выпавшего из моей настоящей жизни своего друга, рядом невозмутимо храпящего на рыжем от пыли ботинке вместо подушки.

«Ах, да! – хлопнул я себя по лбу, – так это же Валёк! Как же я сразу-то не врубился?! Ну, и посидели мы вчера! С этим надо кончать!» – и я по-старчески шмыгая ногами, подался на кухню.

Водочный и табачный перегар во рту надо было чем-то

нейтрализовать. Поставил на плиту чайник. Взгляд, упавший на опустошённую посуду на столе заставил меня с остервенением передёрнуться: – нет, только не это! Кофе, слава Богу, ещё есть в тумбочке.

Друг, услышав мою возню, позёвывая, поднялся и уселся рядом на стул:

– Ну, что? Опохмеляться будем?

– Только не с утра! – запротестовал я. – Мы сейчас лучше кофейком полечимся...

– Ну, как скажешь! Заваривай покрепче и без сахара. От сладкого, говорят, диабет бывает.

Валёк пошарил, пошарил в своей безразмерной раскладной сумке и вытащил серебряную штучку, похожую на игрушечный с тонким станом самоварчик, только вместо краника самоварного тянулась из красной резины трубочка с мундштуковым наконечником из белой кости.

На мой молчаливый вопрос – что это? – Валёк довольно хмыкнул. Было видно, что вещицей этой он очень гордился.

– Раритет! У одного китаёзы в Хабаровске на золото выменял

– Ты что, на приисках лопатил? Откуда у тебя золото?

– Это у тебя нет! А у меня его, как у аравийского падишаха. Потом, как-нибудь расскажу. Давай лучше кальянчик посмолим. На опохмелку – незаменимая вещь! Сам увидишь. Сплошная левитация!

– Наркота что ли? Не, я этой дурью не балуюсь, с того

самого раза, как мы с тобой маковое молочко гнали. Помнишь?

– Сказал тоже! У меня до сих пор хрящ на ушной раковине сломан. Ты-то тогда слинял, когда я твоему отцу подножку поставил. Вот он вгорячах мне ухо и оторвал. На, пощупай, до сих пор не срослось – Валёк повернулся ко мне боком, двумя пальцами сложил пополам большое, как морская раковина ухо. – Живой батяня-то? Я на него обиды не держу. Правильно он тогда нас, чертей, гонял. Крутой мужик!

– Нету отца, Валёк! Ушёл ниже уровня земли на два метра. От него теперь один холмик остался, да рябинка в ногах по осени костром полыхает...

Вот вспомнилось...

Дано это было. Так давно, что и не скажешь.

Учились мы с Вальком, кажется в седьмом или восьмом классе. Огород у нас был прямо за домом, на «задах», как тогда говорили. Небольшой огород. Всего восемь соток.

На семейную ораву нашу, все-таки пять человек детей, картошки едва хватало до весны.

Всю землю, даже и вокруг дома засаживали картошкой. Какие цветы? Какие лютики-маки?

Но матушка моя любила, чтобы на огороде всегда что-нибудь расцветало. Вот и посеяла однажды маковые зёрна. Горстку, да и ту – промеж грядок.

Когда мне пришлось картошку окучивать, я от недогляда посшибал почти все всходы мака, но какая-то часть осталась

цветистый буйным цветом.

И вот среди лета меж зелёных кустов картофельной ботвы, поднялись, и крылья раскрыли, как заморские бабочки, ярко-красные с чёрным обводом цветы, да такие, которые мне никогда не приходилось видеть.

Цвели дружно да опали быстро. Осыпались, обнажив и выставив напоказ, зелёные с рубчатými шапочками головки тугие и плотные, похожие на плоды дурмана-белены.

Белену я знал. Попробовал однажды пожевать мелкие бледные зёрнышки, потом мать меня парным молоком дня два отпаивала. У меня в ушах всё какой-то гул стоял и голоса разные, резкие и крикливые, как будто радио в мозгу провели. Голоса разные, а слова одни: «Во саду ли, в огороде поймали китайца. Руки-ноги оторвали – голова болтается». И пена изо рта шла, словно пузырёк жидкого мыла выпил. Глаза от света резало так, что мне казалось, сто прожекторов на меня наставили, и все сто в одну точку бьют. Руки-ноги судорогой сводило.

Мать в голос плакала. Но потом – ничего. Радио в голове снова выключили и судороги отпустили.

Гадкое состояние! Неприятное! Поэтому я к маковым коробочкам никакого интереса и не проявлял. Растут, ну и пусть растут!

Время подошло огород пропалывать, от сорняков очищать. Отец уже второй раз сказал, что третьего раза не будет, если «бодылья» не подёргаешь. А на улице жара, на речку

тянет поплескаться. Что делать? Позвал своего дружка с огородом управиться.

...

Ничего, перетёрли.

– Тащи махорку!

Махорка у отца всегда хранилась в печной горнушке. Как настоящий курец со стажем, отец любил, чтобы махорка всегда была сухой. А какой же ей быть в тёплой пазухе печи?! Как порох!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.